

Оксана Дубовенко

ЛЕВАЯ часть театра, который москвичи привычно называют Уголок Дурова, представляет собой нечто вроде то ли круглой коробочки, то ли банки, как для крупы. Посредине двери без ручек. За ними знаменитая «Мышиная дорога».

— Здание сделано, как волшебная шкатулка, и на дверях специально нет ручек, в нужное время они откроются сами, и дети сами войдут в них. Таким образом мы воспитываем в них самостоятельность, — говорит Наталья Дурова.

Оказывается, «Мышиная», на которую продают билеты в кассе, — новая, по в театре — не единственная. Сюжет ее сочинен по мотивам сказок Пушкина к недавнему юбилею поэта. В ней злобные Баба-яга, Коней Бессмертный и Соловей-разбойник берут в плен прекрасных белошерстных малышей, неизвестно с какой целью кружащих на поезде по стране сказок. А благородный богатырь освобождает несчастных затворниц, по очереди разделяясь со всей сказочно-злойской пушкой. Детям эту дунераздирающую историю рассказывает Кот Ученый (в человеческом облике). Кульминация наступает, когда действие уже заканчивается: Кот выпосит и дает погладить всем без исключения настоящую белую крысу.

«Мышиная дорога-1» сейчас находится в музее театра.

Старое здание построено еще при дедушке Дурове, имя которого и носит Детский театр зверей. Вдоль лестницы — фигуры животных, давно уже исчезнувших с лица земли. Бронтозавры и ихтиозавры. Судя по всему, дедушка Дуров все-таки не успел с ними поработать. В самом музее — повозка, в которую великий артист запрягал своих знаменитых свинок или собак. Повозка такая маленькая, что кажется детской. Оказывается, Дуров был совсем небольшого роста.

Дальше — чучела животных, с которыми Дуров работал: леопард, свинья, муравей, собачка... За ними — клетки с живыми попугаями, котами, фазан, умеющий петь. Это — сегодняшние артисты, спят или бодрствуют в своих квартирах.

В главном зале в сказочном домике — скульптурная группа: сидит за столом медведь, лиса, коза, волк и закусают медом. Рядом — большой паровоз с вагонами, в них огромные обезьяны, носорог. Но они просто так стоят, а рядом — «Мышиная дорога-1», та самая — дедушки Дурова. Со старым и незамысловатым сюжетом.

На фоне зимнего пейзажа — круговая железная дорога, мостик, тоннель и вокзал. Двери вокзала открываются, из них выбегают мышки, что-то быстро съедают прямо на перроне, суетятся, так что можно вообразить, что это они покупают билетик. После чего сбегает по лестнице и садится в вагон. Из холодной Москвы поезд направляется на юг. Наматывает круги, один за другим, и, пока он кружит, постепенно и сказочно темнеет. Вдоль дороги зажигаются фонарики, а на небе — звезды, на заднике проступают очертания ночного моря, южного берега, вырастают пальмы, а по воде плывет пароход. Поезд останавливается где-то в тоннеле. Вот мышки и приехали. Утром они проснутся и побегут купаться к морю. Чья-то память свидетельствует, что прежде пассажиры-мышки были с портфельчиками, а провожал их кондуктор в фуражке, что мышки приезжали на место и даже выходили из вагонов... Ничего этого нет. Может быть, воображение тех, кто бывал здесь очень давно, само дорисовало «недостающие» детали, а память сохранила именно их.

Поскольку мы из газеты, в Уголке Дурова нам присвоен почтенный титул «гостей Натальи Юрьевны». После представления нас приглашают к ней в кабинет.

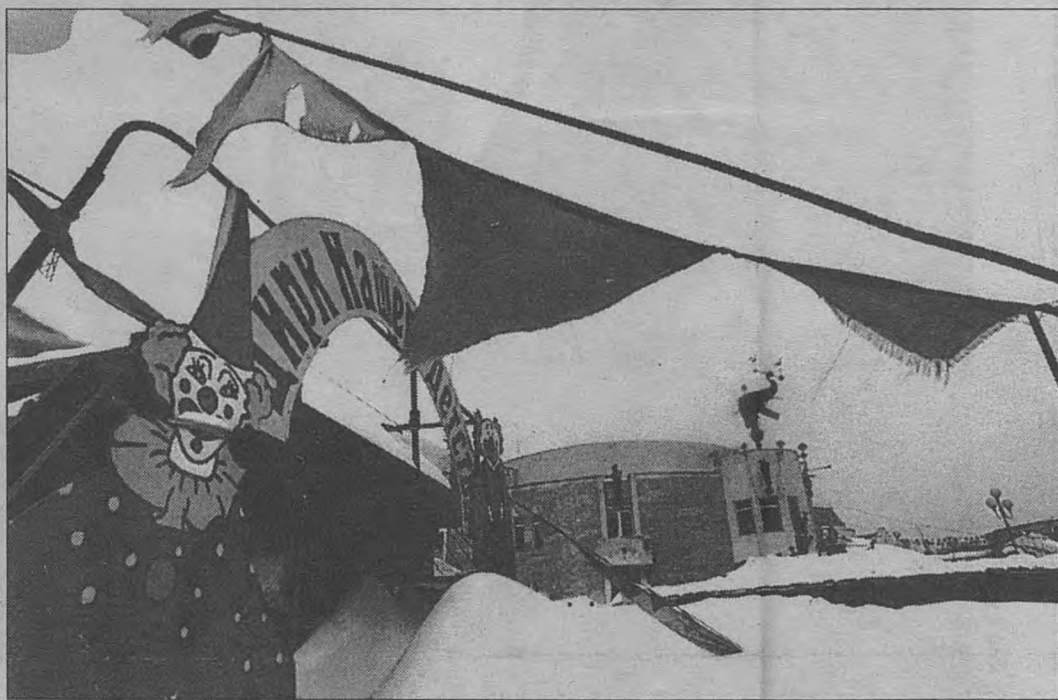
Незадолго до публикации в Уголке Дурова произошла трагедия. После представления в служебном помещении погиб дрессировщик Александр Терехов. Его похоронили в этот понедельник. Дрессировщику было сорок семь лет, двадцать из них он проработал со слонихой Дашей. Считается, что со слонами дрессировщики должны работать только по двое,

и, если что, второй предупредит или отвлечет животное. В момент трагедии второго дрессировщика в вольере не было.

Профессия дрессировщика остается одной из самых опасных. Слоны сейчас «простаивают», работать с ними некому. Другие дрессировщики выходят на сцену с другими животными.

ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА НАТАЛЬИ ДУРОВОЙ

Триумфы и трагедии самого знаменитого театра зверей

Уголок Дурова в зимнем пейзаже.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

«Что ж, пойдёмте к Наталье Юрьевне. Вот по этой лестнице Наталья Юрьевна каждый день поднимается на работу».

Приемная с попугаями, которых здесь не меньше десяти. Есть совершенно белые, красные с желтым и синим, желтые с красным и зеленым и прочие, наивные, все редкие и дорогие. Их как раз кормили фруктами и бутербродами с творогом...

Кабинет Дуровой. Антикварная мебель не превращает комнату в музей, наоборот, ощущение, что здесь-то и проходит жизнь. Так и есть: из дома Дурова перенесла в театр мебель карельской березы. Диван покрыт укреплённым целлофаном, на нем обычно сидят друзья и родственники Натальи Юрьевны, обезьяны Яша, собака Рома и другие. На стенах — фотографии, портреты. Над письменным столом — иконы в окладах. Много по-настоящему красивых вещей, серебряные рамки для фотографий.

Невероятное обилие предметов создает особый уют этого кабинета-дома. Наталья Дурова располагает к себе с первой же минуты. Пальцы в старинных кольцах дополняют ее и без того значительную фигуру, знакомую с детства. Хорошо поставленный сценический голос не мешает ей быть естественной, даже простодушной, а мужество, необходимое в работе даже с самыми безобидными животными, не убивает ее «неистребимой» женственности. Уже через короткое время кажется, что ты — ее старый знакомый.

МОНОЛОГ НАТАЛЬИ ЮРЬЕВНЫ

— Присаживайтесь, пожалуйста. За этим столом сидел Александр Сергеевич Пушкин (карельская береза с малахитовой столешницей. — О.Д.), он правил записки моей бабушки (кавалерист-девицы. — О.Д.). А вот эту прелесть мне подарил от индийского посольства... Большой, кажется, бронзовый слон. Рядом с

ним обезьяны на велосипеде — зажималка. Козырева подарила. И змея — пепельница. А вот этого попугая (очень яркая и красивая фигурка из неведомого материала. — О.Д.) мне привез Володя Машков. Он только что вернулся из Мексики и мне такое привез. Я ему говорю: «Зачем?» А он мне: «Это для вас».

Сейчас я вам покажу моего сыночка. Анечка, — обращается Наталья Юрьевна к одной из своих верных помощниц, — включите, пожалуйста. Я и техника — несовместимые понятия. Я все могу, с животными — все могу. А вот техника — это невозможная вещь для меня. У Яши 177 человеческих движений. Его у меня воруют все время на телевидение. Он все умеет. Чистит зубы, ест ложкой, ножом и вилкой, набирает телефонный номер. Да! И курит тоже. Такая вредная привычка. Мы от него все время прячем окурки, которые собираем для слонихи. Она тоже очень любит, положит окурочку себе на губу и сосет.

Другому моему сыну 37 лет, он доктор наук и все время обижается: «Что же, — говорит, — я — доктор наук, а брат у меня — обезьяна?»

Анечка! Возьмите ключи, достаньте из сейфа мои медали... Я не знаю, какие из них, я же этими ключами не пользуюсь. От клеток я знаю все. А от сейфа мне без надобности... Покажите мои медали американские. У меня много медалей, так даже их не наденешь — иконостас. Надо мне, как деду, — показывает на парадный портрет на стене, — носить на ленте. А эти сейчас дали в Америке, называется «Человеку третьего тысячелетия». Выходит, что я — человек третьего тысячелетия. В Америку мы ездили по приглашению мисис Клинтон. Рецензии вышли потрясающие, журнал «Нейшенл джеографик» посвятил нам номер, мне для него даже пришлось немного освежить мою детгизовскую книжку. У них ведь нет ничего подобного! Цирк — это ведь совсем другое. Они и не представляли до нас, что животных

можно научить такое делать. Долго не могла собраться... Но вот поехали...

Прошлый год унес очень многих моих друзей, перенести почти невозможно... Олег Николаевич Ефремов, Святослав Федоров. Федоров делал операцию слоненку Марте. Вы знаете, что в цирке и театре работают только со слонихами? Да. Считается, что мужские особи неуправляемы. Этого слоненка мне прислали из калининградского зоопарка. Слониха его родила и не приняла, отбросила в сторону, он ударился о стену, оттуда у него нарушение зрения. Я тогда никого из журналистов не пустила на операцию, не позволила, чтобы на чужом горе делали сенсацию. А кто теперь сделает ему операцию на другом глазу? Зрение-то у него падает...

У меня сегодня умер пеликан. Тридцать лет на сцене. И вот на старости лет бес попутал, решил снести яйцо (оказывается, о пеликанах, даже если они девушки, говорят в мужском роде. — О.Д.), а организм-то разамортизирован... Поднялась температура. Мы промучались пять ночей. Все напрасно...

Когда у меня был юбилей, меня спросили: «Наталья Юрьевна, что бы вы хотели, чтобы вам подарили?» А мне ничего не нужно. Я попросила сена. И нами пригнали три огромные фуры, они так тут и стояли около театра, с сеном, просом, пшеном, там, где автостоянка. Что же нам с ней делать? Мало того, что они просто отравляют нам воздух, по любым санитарным нормам нельзя, чтобы автомобили в таком количестве находились рядом с жилыми помещениями, а звери-то живые, и они тут живут. Так здесь еще положили кабель на глубине всего 80 сантиметров, а должны на глубине трех метров. А если барсук начнет рыть землю или кто-нибудь из его сородичей? И наткнется на этот кабель, что же тогда будет? И сделать с ними ничего нельзя: говорят, стоянка ФСБ.

Слава Богу, зиму пережили. Вообще, если бы не мои друзья, я не знаю, как бы мы жили. Потому что сено мне косят три интерната в Тульской области. В этом году у них сено не уродилось, дожди шли. Смоленская область выручила. Так и живем. Для наших малышей я беру детское питание, мне в здравоохранении дают, — из слов Дуровой становится понятно, что триста живых тварей, вместе с мышами, проедают все средства, выделяемые государством. — Одна надежда на друзей...

Кстати, американцам невозможно объяснить, что такое шефская работа. Они не понимают. А у меня тут не смогли приехать три автобуса из Королева, заказали места, выделили им автобусы, нашлись какие-то спонсоры, а погоды не было. Теперь нам придется ехать в Королев и давать там спектакль... Как зачем? Это же детские дома, как их оставить?!

Подошедшему главному администратору Наталье Юрьевне решительно заявляет:

— Не поедем сейчас в Израиль. Пока там такие безобразия творятся, не поедем. Я своих риску подвергать не собираюсь. К тому же там сейчас выборы. Помните, когда у нас выборы были, что творилось. Нет, когда в стране выборы, людям не до любви к животным. Нет, сейчас они там выберут кого-нибудь, стрелять перестанут, потеплеет, тогда мы и отправимся.

Почти одновременно в Уголке Дурова может проходить целых три представления — «Мышиной железной дороги», на малой и на большой сценах.

«Малое представление» происходит в самой старой части театра, на сцене, построенной еще в прошлом веке. Уютный маленький зал, детки сидят впереди, за паркетом, отдельно от родителей.

Сцена маленькая. Когда вышел первый артист, немолодой уже дог, он заполнил собой почти все пространство. Лошадь, конечно, больше собаки, но, представьте себе, тоже помещается. Лошадь по кличке Лолита танцевала и, как и дог, занималась математикой. Все остальные звери удивляли не только размерами. Маленький енот — уже классический номер Дуровского уголка! — профессионально стирал: набрал воды из колодца, перелил в тазик, постирал, прополоскал и развесил белье на заборе. Хорьки быстро прыгали через барьеры, так быстро, что казалось, будто над сценой повисли их хвосты. За ними вышли на прогулку дикобразы-альбиносы, совершенно белые.

Заслуженная артистка России Валентина Волкова «потворствовала бесчинствам» обезьянки Фени. Выходки эти терпеливо сносила дворняжка Чина, на вид неказистая, но державшаяся с достоинством. Была и знаменитая «Школа ворон». Завершал программу необычайной красоты пони. Он мог ничего не делать, просто ходил туда-сюда, потому что под широким лбом у него — большие выразительные глаза, шерстка белая с черными и рыжими пятнами, а сам он — невысокий крепкий, а идеально причесанные грива и хвост, блестят, как волосы манекенщицы в рекламе шампуня.

Но самое главное в спектакле было не в конце, как принято в цирках, а в середине представления, когда на сцену вышел клоун с удавом на шее. Представил его: «Это Любочка, она еще маленькая». Никакого номера, собственноручно говоря, и не было. Клоун сразу пошел в зал: «Дети, гладьте. Не переживайте, Любочка на всех хватит». Наша девочка сидела первой с краю, она тут же протянула руку и погладила змею. Дальше клоун прошел по всем рядам, где сидели дети, а также заглянул к некоторым извивавшимся желанным взрослым. Никто из детей змею гладить не отказался, руки не отдергивал, а некоторые сделали это даже по несколько раз.

Потом еще удивлялись, когда взрослые восхищались их смелостью: «Мамочка, в следующий раз я просто буду держать тебя за руку, и тебе не будет страшно».